

Сергей Серванкос

ТРОФЕИ С ЛИТКУЛЬТА

Сборник текстов с различных конкурсов ЛитКульта

ЛИТ КУЛЬТ

LITCULT.RU

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИНВЕСТИЦИИ

Сергей Серванкос

**Трофеи с ЛитКульта.
Сборник текстов с различных
конкурсов ЛитКульта**

«Издательские решения»

Серванкос С.

Трофеи с ЛитКульта. Сборник текстов с различных конкурсов
ЛитКульта / С. Серванкос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855583-1

В Интернете много литературных сайтов, но есть один удивительный и неповторимый — это ЛитКульт. Чем он удивителен? Тем, что творческий человек здесь может не только реально развиваться, но и стимулировать себя к творчеству. Многочисленные соревнования и конкурсы не дают скучать музам поэтов и прозаиков, попавшим в сети ЛитКульта. В этой книге собраны мои рассказы и стихи, заслуга в создании которых полностью принадлежит этому замечательному интернет-ресурсу.

ISBN 978-5-44-855583-1

© Серванкос С.
© Издательские решения

Содержание

2013 год	6
Конкурс пародий	7
Глюкоббота	7
Конкурс к дню защиты детей	9
Внучке	9
Царь горы	10
Первая попытка	10
Как Артём в кино ходил	10
Вторая попытка	14
Кошмар	14
Царь горы	17
Первая попытка	17
Сказка о престолах, играх или, как на Руси пиво пьют	17
Смертница	18
Вторая попытка	19
Самоубийца	19
Третья попытка	19
Шахматы	20
Литературный конкурс «Осень. Начало»	21
Стихи	21
Прощальная	21
Проза	21
Осень	21
2014 год	23
Большой прозаический марафон на Литкульте	24
Солнцеворот	24
Рынок душ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Трофеи с ЛитКульта Сборник текстов с различных конкурсов ЛитКульта

Сергей Серванкос

Иллюстратор Яна Малыкина

© Сергей Серванкос, 2017

© Яна Малыкина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5583-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2013 год

Конкурс пародий

Приняло участие 8 человек, набрал 15 очков и поделил 4—5 места с Евгением Сидельниковым, набравшим столько же очков.

Глюкоббота

Огнеупорный ящик снаружи,
Матерплатная мягкость внутри.
Windows битоточиво загружен
Окна повесив на каждой двери.

Кроет экран золотистым флёром
Разметавшись брызгами искр.
Литкульт с резным узором
Червь системный в усмерть загрыз.

На коврике мышка издохла,
Был инет, и вот уже нет.
Желание – посиневшие окна
Разбить о косяк,
появилось на свет.

Стих на который написана пародия:

[Поневторник. Схоластика. \(Naphazard\)](#)

Огнеупорный кирпич снаружи,
Нежная мягкость костей внутри.
Медоточиво изгиб заужен
Шустрыми прорезями двери.

Кроет шафран золотистым флером

Податливый алебастр плеч.
Фразу, подсказанную суфлером,
На всякий пожарный приберечь.

По ампутации net'a громко,
Мышку бессмысленно теребя,
Прямо дверному проему хлопнуть
Гулкое
«я люблю тебя».

Конкурс к дню защиты детей

Приняло участие 8 человек, набрал 14 очков и поделил 6—7 места с ещё одним участником, набравшим столько же очков.

Внучке

Глазки васильковые
Озорством искрят.
Маки губ подковою
С нежностью котят.

Щёчки – два тюльпанчика,
Раскрывшийся бутон.
Носик – хвостик зайчика,
К солнцу устремлён.

Ромашками увита
Сказка наяву,
Заря из малахита
Скрытая в лесу.

Шейка одуванчика
Дышит на ветру,
Музыкой шарманщика
Душу напою.

Прекрасная лужайка
С колоннами берёз —
Моя родная внучка,
Букет цветов и звёзд!

Царь горы (проза)

Первая попытка

Тема: «Кто остановит дождь»

Проиграл сопернику со счётом 8:5 и слетел с горы.

Как Артём в кино ходил

Артём зашёл в большой кинозал, отыскал указанные ряд и место, сел в удобное кресло, поставил на колени банку с попкорном и стал примерять необычные очки с разноцветными стёклышками. Он впервые попал на фильм в формате 3D и с нетерпением ждал начала сеанса.

Свет погас, на экране зажёгся логотип киностудии, потом на секунду почерневший экран вспыхнул красивым пейзажем, а зал взорвался музыкой. Артём птицей парил над красивым лесом с цветастыми полянами. То тут, то там мелькали голубые ручьи и озёра, острые скалы. Вдруг вся эта красота провалилась, и ослепительная синева неба заполнила всё вокруг. А вот и солнце опалило взор сверкающим сиянием. Маленькие тёмные пятна, похожие на стаю птиц, стали быстро приближаться к изумлённому зрителю. Они заполнили весь экран и замерли бирюзовыми буквами с золотистой окантовкой.

«Кто остановит дождь?» – прочитал Артём большую надпись.

Выдержав паузу, полёт продолжился. Опять замелькали макушки деревьев и скал, на их фоне шли титры, сообщая имена тех, кто создал фильм. Лес сменился посёлком с глинобитными постройками под плоскими крышами, пролетев над рыночной площадью с пёстрой толпой, Артём оказался на краю леса. Здесь он увидел идущих в одном направлении животных: высокие жирафы, огромные слоны и бегемоты, антилопы, зебры и другие четвероногие шли парами, над ними летело множество разных птиц. Не читая титры, Артём увлечённо смотрел вперёд, ища, куда движется это разномастное стадо.

За поворотом, на большой поляне он увидел огромное деревянное строение. Сравнив его со слонем, Артём подумал, что двухэтажка, в которой он живёт, намного меньше. Упершись в открытую дверь, картинка замерла, титры исчезли, а музыка стала понемногу затихать, зато шум кричащих и топающих животных стал усиливаться.

В проёме появился седобородый старик с красивым лицом. Он вытер рукавом широкого халата вспотевший лоб и крикнул:

- Сим, принимай очередную партию!
- Хорошо, отец, – раздался приглушённый голос изнутри.

Понаблюдав за погрузкой животных и познакомившись с семьёй старика, Артём перенёсся на рынок, где разноликая толпа, что-то шумно обсуждала, громкий хохот то и дело прерывал их разговор.

– Наш спаситель мира сегодня начал погрузку, – толстый мужчина с чёрной бородой нарочито серьёзно говорил новость собравшимся, – Он звал нас в плавание, но не нашёл таких глупцов, так теперь заполняет свой ящик обезьянами.

Все дружно захохотали. Торговец изюмными лепёшками, старик в полосатом халате, сквозь смех выкрикнул:

- Они будут хорошей командой. Ной и обезьяны.
 - Такие же умные, как его сыновья.
 - А ещё он пару слонов вместо якоря взял и бегемотов для надёжности.
- Шутки сменяли друг друга, утопая в хохоте толпы.
- Нефилимы! – страшный крик прервал веселье.

Толпа пошатнулась и ринулась в разные стороны. Кадры стали мелькать, как в калейдоскопе: перевёрнутые столы, упавший старик, плачущий ребёнок, перекошенные от страха лица. Тревожная музыка усиливала волнение, сердце Артёма билось всё быстрее и быстрее, вдруг, к его горлу потянулась огромная лапища мускулистой руки. От неожиданности юноша отпрянул от экрана, забыв, что это всего лишь кино. Ладонь сжалась, и на экране появился полуобнажённый мужчина с бугристыми мышцами, который был вдвое выше разбегавшихся людей. Великан держал старика в полосатом халате за жидкую бороду, поднял его над головой и швырнул в корзины с фруктами.

Рынок быстро опустел, люди сидели в укрытиях, трясаясь от страха. Великан с рыжей бородой, переворачивая столы, схватил блюдо с изюмом, запрокинул голову и засыпал содержимое в рот. Потом подошёл к винным рядам и стал пить из первой попавшейся бочки.

Музыка стала затихать, с правой стороны экрана послышался шум тяжёлых шагов и грубый голос:

- Ты опять пришёл в мою деревню?

На экране появилось перекошенное лицо с глубоким шрамом на левой щеке. Чёрная всклокоченная борода и налитые кровью глаза пугали своей близостью. Ещё один огромный великан стоял возле винных рядов и сжимал в могучих руках полутораметровую дубину.

- С чего это она твоя? – рявкнул в ответ рыжий.

Дальнейшая сцена была предсказуемой. Здоровяки крошили остатки декораций, мутузя друг друга, а Артём, иногда забыв, где он находится, старался увернуться от очередного неожиданного удара. Музыка стонала и ухала, переплеталась со звуком ударов, падений и треском поломанных предметов.

Оставив дерущихся, Артём вновь оказался возле странного сооружения, последние пары животных зашли вовнутрь и громоподобный голос за кадром сказал:

– Войди со всеми своими домашними в ковчег, потому что я вижу, что ты праведен передо мной среди этого поколения. Ведь через семь дней я повелю дождю литься на землю сорок дней и сорок ночей и истреблю всё существующее, что я создал, с поверхности земли.

Старик стоял, устремив голубые глаза к небу. Потом он и его семья зашли внутрь огромного строения. Дверь со скрипом закрылась, и несколько секунд полной тишины зазвенели в ушах.

Опять городок. После посещения великанов торговцы подсчитывают потери, а возле винных рядов несколько почтенных жителей города что-то обсуждают.

– Наш мореплаватель уже неделю сидит в своём ковчеге, – пряча улыбку, сказал седовласый старик с горбатым носом.

– Теперь будет там сидеть, пока от слоновьего помёта не задохнётся, – засмеялся толстяк с чёрной бородой.

– Нас дождём пугал, чудак! Воды испугался. Потоп будет! Потоп будет! Это сколько же надо дождей, чтобы залить наш город? И какой бог на такое способен? – сказал самый уважаемый старец.

– Про Божью кару твердил, а сам вместо того, чтобы о семье заботится, ерундой занимается уже пятьдесят лет. Почтенный муж, а как ребёнок кораблики строит, – возмущался седовласый.

– Уважаемый Ламех, – обратился чёрнобородый к седовласому, – Лично ты, как думаешь, может его пора образумить? А то, во истину, в зловонии зверинца своего удушится и семью погубит.

– Оставь его, ведь его чудачество сделало наш город известным, торговля процветает. А семья пусть несёт бремя за блажь полоумного отца. Боги его осудят! Что возьмёшь с блаженного?

Вокруг стало темнеть. Свинцовые тучи нависли над Артёмом, стаи встревоженных птиц носились из стороны в сторону. Зазвучала настораживающая музыка.

Первые капли упали в бокал с вином чернобородого толстяка. Музыка стала трагичной, дождь усилился и перешёл в безудержный ливень.

Замелькали разные картины: торговцы прячут товар, люди бегут в дома, женщина снимает бельё с верёвки, дети весело бегут по растущим на глазах лужам, скулящий мокрый пёс спрятался под стол. Обычная суeta, но нарастающий звук музыки готовил зрителя к печальной развязке.

Огромный вал воды, первый вестник смерти, быстро мчится со стороны гор, сметая всё на своём пути. Высоченные деревья ломаются, как спички, а те, что поменьше вырываются с корнем, как сорная трава.

Застывшие от ужаса глаза смотрели на Артёма. Раздался душераздирающий вопль. Музыка застучала жуткими басами, шум воды, уханье грома, крики, треск. Люди бегут, падают, топчут друг друга. Молния беспрерывно озаряет почерневшее небо, выхватывая отдельные картины из общего хаоса. Вот маленькая девочка забилась под кровать и испуганно плачет, древний старик стоит на коленях и молится, обезумевшая мать ищет своего ребёнка.

Артём с волнением наблюдал за происходящим. Вокруг сверкали молнии, усиливался ливень. Поток с гор затопил деревню и врезался в деревянный ковчег на опушке леса.

Старик со своей семьёй содрогнулись от удара, животные и птицы тревожно зашумели.

– Началось. – сказал Ной и, взяв жену за руку, стал молиться.

«Прошла неделя» – сообщила надпись на экране.

Непрекращающийся дождь, молнии, гром, чёрное небо и погребальная музыка не оставляли шансов тем, кто смеялся над Ноем.

Некоторые из них: чернобородый толстяк, великан со шрамом, Ламех и ещё несколько человек сидели в небольшой пещере на вершине горы, которая ещё не была затоплена. В отверстии входа в пещеру стеной лил дождь, частые вспышки молнии и раскаты грома усиливали безнадёжность положения героев.

– Проклятый колдун, это Ной вызвал дождь, – возмущался чернобородый, – Говорил же тебе, что надо избавиться от него.

– Кто бы мог подумать, что он обладает такой силой? – сказал Ламех, дрожа от холода.

– Заткнитесь! – прохрипел великан, он сидел на корточках в скрюченном положении, голова упиралась в свод пещеры, а руки были прижаты к её стенам и не могли свободно двигаться. Свирепо сверкнул глазами в сторону своих сокамерников и сказал:

– Я сын бога Ваала. Мой отец говорил, что верховный Бог наведёт потоп и уничтожит всё живое, а я не верил.

– Если твой отец Бог, попроси его, чтобы он спас нас, – взмолился чернобородый.

– Только верховный Бог может остановить дождь.

– Но Ваал – бог плодородия и дождя! – вмешался в разговор Ламех.

– Да он просто пользовался вами глупцами, жалкими людишками, ни какой он не бог дождя, только верховный Бог может управлять всем, – обречённо сказал великан, поправляя затёкшую ногу.

– Смотрите! – закричал юноша, который сидел у самого входа, – Там корабль!

Он указывал в темноту. В зареве очередного всполоха молнии все увидели раскачивающееся на волнах большое прямоугольное сооружение.

– Это ковчег чудака Ноя. Неужели он спасся? – скрепя зубами шептал чернобородый.

– Отец говорил мне, чтобы я отнял у него этот ящик, когда он его построит, – опять зарычал великан.

– Что же не отнял?

– Не верил я отцу, он ещё та сволочь была.

Вода поднялась к входу в пещеру и стала её заливать. Опять вопли, трагические аккорды и паника. Великан с трудом выбрался из пещеры, проломив при этом грудную клетку чернобородому, который пытался протиснуться первым. Те, кто не успели покинуть каменную ловушку, стали тонуть.

Оказавшись в воде, великан поплыл к мелькающему среди волн ковчегу. Он быстро добрался до цели, стал сильно бить кулаком по смолянистым брёвнам и свирепо орать:

– Пустите меня! Я не хочу умирать! Пустите! Сволочи! Будьте вы прокляты!

Картина быстро поменялась на бескрайний поток дождя, тучи с лохматыми боками, которые то и дело озаряли вспышки ярких молний.

«Прошёл год» – прочитал Артём на почерневшем экране.

Голубое небо ярко вспыхнуло, слепя глаза. Горы притягивали красотой новизны, на одной из них ковчег с открытой дверью. Ной с семьёй стоит недалеко от него. Земля вокруг покрыта молодой зеленью, животные резвятся, вырвавшись на свободу. Яркой семицветной аркой сияет радуга, торжественно звучит финальная мелодия. Побежали заключительные титры, темнота в зале стала рассеиваться.

«Круто!» – подумал Артём, нехотя снял очки и, продолжая смотреть на экран, пошёл к выходу.

Вторая попытка

Тема: «Made in China»

Проиграл byz123 со счётом 10:12 и слетел с горы, но в этой дуэли я победил Мышление Близнецов, одних из лучших авторов ЛитКульта со счётом 12:6.

Кошмар

Вера Петровна заглянула в прихожую, где на потёртом диванчике лежал её ненаглядный суженый. Не по годам состарившуюся женщину сильно беспокоила подозрительная тишина и полное отсутствие признаков жизни в привычно развалившемся теле мужа. Сегодня пятница, конец рабочей недели, как обычно, ровно в девять часов это изрядно пьяное тело прибыло домой и упало на место пятничной ночёвки и, немного поворочавшись, затихло. Это показалось странным матёрой домохозяйке, давно уже вычеркнувшей из личной жизни подобные вечера.

Станным было то, что Сашка, некогда весёлый, статный балагур, сводивший с ума деревенских девчонок, и с первой же встречи приглянувшийся молодой учительнице-практикантке Вере, а ныне – изрядно постаревший, лысоватый Иваныч, как его звали друзья и соседи, никогда не спал спокойно. Приходя в стельку усталым после работы в пятницу, он падал на диванчик и начинал громко ворочаться, вздрагивать и вскрикивать, а порой и просто орал благим матом, кого-то прогоняя и проклиная. Сейчас он лежал в одной позе и, похоже, даже не дышал. Вера Петровна испуганно замерла у двери и стала внимательно вслушиваться и всматриваться в содержимое старого диванчика.

А Иванычу снился сон. Ему всегда снились сны после традиционного пятничного обмывания успешного завершения очередной трудовой пятидневки. В другие дни Иванычу ничего не снилось, а по пятницам всегда одно и то же: видимо пиво с водкой способствовали этому. Только сегодня это был странный сон.

Обычно он видел страшное подземелье, мерцающее огненными вспышками ярко красного цвета, и пляшущих чертей с вилами в руках. Они ехидно смеялись, злобно скаля зубы, кровавые всполохи пламени выхватывали из темноты пещеры их похожие друг на друга свинячьи морды. Иваныч видел огромную сковороду с кипящим маслом на жутком огне, он старался изо всех сил отбиваться от лохматых лап, тычущих острыми вилами. Кошмар заканчивался всегда одинаково: черти подхватывали сопротивляющегося Иваныча и, топая копытами, несли его к сковороде, багряные пасти довольно ухмылялись, а несчастная ноша яростно кричала, проклиная и матеря мучителей.

Сегодня чертей не было, да и то, где был сейчас Иваныч, явно было не похоже на пещеру, скорее это был огромный современный офис. Всё сияло белоснежной чистотой. Вокруг стояли красивые столы, заставленные разными приборами, мониторами, папками с бумагами. За столами сидели похожие друг на друга сотрудники в белых халатах, все были заняты делом и не обращали внимания на неожиданного посетителя.

«Видимо я на небесах, – подумал Иваныч и не на шутку встревожился. – Допился! Коньки откинул и теперь...»

Что «теперь», бывший балагур не знал, поэтому настороженно смотрел на открывающуюся дверь в конце помещения. Из двери вышел пожилой мужчина с седыми волосами, он был похож на сотрудников, но халат на нём светился невероятной белизной и отличал от остальных ярким сиянием. Над головой появившегося мужчины было подобие нимба. Подойдя к Иванычу, сияющий сказал:

– Вы впервые у нас?

– Где? В Раю? Да, – промямлил опешивший Иваныч и, немного успокоившись, спросил, – а Вы Бог?

– Меня по-разному называют, но мне больше нравится то, что проще, зовите меня Всевышний, уважаемый Александр Иванович, – не смущаясь, сказал сияющий и пожал Иванычу руку, потом жестом указал в сторону столов, за которыми кипела работа. – Перед Вами святое святых. Здесь мы создаём людей.

– Людей? А я думал, что человека Вы создали уже давно.

– Нет, я не о том. Здесь мы наделяем людей определёнными качествами, чтобы они были по подобию Нашему. Поняли?

– А, то есть формируете личность, – проговорил Иваныч, удивляясь своей образованности.

– Точно, лучше не скажешь. Сейчас я покажу Вам, как это действует.

Подойдя к первому столу, Всевышний стал всматриваться в монитор компьютера, на котором светились столбики многозначных чисел и каких-то букв, потом он обратился к сидевшему за столом:

– Добавь этому силы, пусть будет известным спортсменом.

– А как в прошлый раз не будет? – Зашептал недовольный сотрудник, видимо, не очень любивший, когда вмешиваются в его творческий процесс.

– А что было в прошлый раз?

– Вместо олимпийского чемпиона вор-медвежатник получился, он голыми руками амбарные замки ломал и ломиком сейфы вскрывал.

– Это издержки производства, от них никуда не денешься, да и о свободе воли не забывай, уважаемый, – похлопав по плечу своего сотрудника, Всевышний перешёл к следующему столу.

Изучив колонки знаков на мониторе, сияющий усмехнулся и предложил:

– А давай ему справедливости добавим, судьёй будет. Правда, был уже у нас один такой, себя оштрафовал за нарушение общественного порядка, после одиннадцати музыку громко слушал, а соседи ему же и пожаловались. Оштрафовал сам себя на два минимальных оклада.

– Точно, был такой, – смеясь, подтвердил сотрудник, сидящий перед ними, – он ещё потом генерального прокурора за взятки судил и тоже на два минимальных оклада оштрафовал.

– Нет, лучше ему мудрости добавь, пусть умные книги пишет, по философии, например, – задумчиво сказал Всевышний и, то ли размышляя про себя, то ли забыв, что его слышат, добавил, – или по религии, пусть пишет про меня, так, чтобы другие голову ломали, что бы это значило.

Так идя от стола к столу, они подошли к двери, ведущей в соседнее помещение.

– Здесь у нас цех любви, – романтично сказал Всевышний и открыл дверь.

В отличие от белоснежного офиса это помещение сияло розовыми и голубыми переливами, но за столами сидели такие же сотрудники в белых халатах, похожие друг на друга. Хозяин производства, улыбаясь, указал на цех и довольно сказал:

– Это наша гордость. Вот здесь материнская любовь, здесь любовь к Родине, здесь любовь к работе, здесь к увлечениям и так далее, и тому подобное. Выбирай любовь на любой вкус. В последнее время очень востребована однополая любовь и любовь к развлечениям. Так что, уважаемый Александр Иванович, как видите, наше производство работает на благо потребителя.

– А мог бы и я у вас любовью подразжиться? – Спросил осмелевший Иванныч.

– Всегда к Вашим услугам! Вам какой и сколько?

– Хочу Вас полюбить, – неожиданно для себя признался Иванныч и тут же подумал: «Это всё чтение Библии, говорили же мужики, чтобы не читал её, а то крыша поедет, вот первые признаки».

– Во, как! – Удивлённо воскликнул Всевышний. – Я, конечно, польщён такой просьбой, но мне как-то неудобно. Я уже и не помню, за каким столом эта любовь отпускается, но желание клиента для нас закон, поэтому сейчас сделаем.

Он прошёл вглубь зала и очень скоро вернулся с красочным пакетом, перевязанным подарочной ленточкой, на пакете красовался роскошный логотип из трёх шестёрок.

– Вот специально для Вас подарок от фирмы, совершенно бесплатно. Отличная любовь к Богу высшего качества, к тому же, уважаемый Александр Иванович, вы наш двадцатимиллиардный посетитель, поэтому примите наши поздравления, – он захлопал в ладоши, а многочисленные сотрудники окружили Иванныча и, взяв на руки, стали бросать его в воздух. Иванныч слышал, как топали их копыта, и видел довольные, злорадные, похожие друг на друга свинячьи морды.

Вера Петровна с облегчением вздохнула, когда муж громко вскрикнул и замахал руками, отбиваясь от кого-то во сне.

– Ну, слава Богу! А то уж, думала, очоурился мой благоверный, – глубоко выдохнув, сказала она и пошла в спальню.

Царь горы (поэты)

Первая попытка

Тема: «Игра престолов»

Выиграл у Молоко 8:4.

Сказка о престолах, играх или, как на Руси пиво пьют

Трое братцев под окном
пили пиво вечерком.
«Кабы я поэтом был,
я б такое сочинил!» —
говорит старшой из них
и зачитывает стих:

«Дворцы, престолы и державы
готов отдать за блажь мою,
и скипетр миллионопалый
без сожаленья подарю.
Смиренно преклони колени,
у ног покорно опустишь.
Чтоб славу ангелы воспели
за жизнь реальную возьми!»
Стояли двое на вершине,
Отец на них с небес смотрел,
как сыновья престол делили,
и новый Царь в ответе зрел.

«Кабы я поэтом был,
вмиг поэму сочинил» —

средний молвил не стыдась,
что не знает отродясь.
Брови свёл, наморщил лоб
и читает им пролог:

Расчерчено поле в полоски квадратов
чёрный за белым, белый за чёрным.
Пешки собой закрывают магнатов
белые белых, чёрные чёрных.
Гроссмейстеры свыше гамбиты играют
белый за белых, чёрный за чёрных.
Зачем это нужно, фигуры не знают,
чёрное белым, белое чёрным?

«Кабы я поэтом был, —
молвил младший и забыл,
что хотел братьям сказать,
не умел он сочинять,
— Знаю песенку одну,
вам её я пропою»

Маленький мальчик в церковь играл,
в глазик мальчишке песочек попал.
Это соседней песочницы царь
престол поменять решил на алтарь.

Сказка ложь, да в ней намёк,
Всем литкультовцам урок:
«Дочитаешь ерунду,
отними иль дай звезду!»

Тема: «Камни живые»

Проиграл в одну калитку Олегу Киселёву, будущему победителю этого конкурса, со счётом 11:0 и слетел с горы.

Смертница

Филигранной дугою бровь,
Горят глаза, волнуют кровь,
Но страх луною гробовой
Любовь затмить готов собой.

Шептал наставник: «Бог – любовь
Тебя зовёт Он вновь и вновь.
Спеши избранница моя:
Дочь Счастья, Света и Огня.
Послушай сердце и иди,
Иссушит Бог тоски дожди.

Сомненья сгинут пусть в ночи,
Свою награду получи!»

Пояс обвил точёный стан.
Филигранной дугою бровь,
Туман в глазах, застыла кровь.
Сжал зубья на жертве капкан.

Холодный разум, сердца жар
Развеял по ветру, как пар.
Умчался страх, ведь Бог манит,
Разбив сомненья о гранит:
Пустой наивности и лжи,
Купивший глупость за гроши.
Ведёт, как тёлку на убой,
Слепая вера за собой.

У снайпера был зоркий глаз
Нажал курок, и кончен сказ.
Филигранной дугою бровь,
Мертвы глаза, струится кровь.

Вторая попытка

Тема: «Пропущенный звонок»

Проиграл в одну калитку Сергею Воронову, второму победителю этого конкурса, со счётом 15:30 и слетел с горы, третий участник дуэли набрал столько же очков, сколько и я.

Самоубийца

Вот унылости жизни нарыв разорвал музыкальный звонок.
Джона Леннона сладкий призыв не даёт шагнуть за порог.
Просит на руки взять телефон, но ласкается к шее петля,
безразличен изысканный фон, и засохла, не выйдя, слеза.
Как заношенный тапок с ноги, оборвалась и дёрнулась вниз
вся бессмысленность смысла пути – в никуда уводящего жизнь.
Лишь остался экран на столе под надрывные ритмы Битлов,
светит болью в потухшей заре неконтактную надписью «БОГ».

Третья попытка

Тема: «Играя в людей»

Проиграл в одну калитку Квасивке и Алесику, со счётом 7:17:18 и слетел в очередной раз с горы.

Шахматы

«И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее»

(Синодальный перевод Библии, От Луки святое благовествование 4:5,6)

Летит сквозь вселенную стол игровой.
Он мячиком брошен могучей рукой.
Азартный игрок хмуро скулы скребёт,
жажда победы уснуть не даёт.
Разбросаны души по сфере доски,
решает злой гений кто мы и чьи.
В цугцванг и цейтнот стремится загнать,
шах сделать любой ценою и – мат!
Строит ловушки и хитро конём,
а непокорных пугает ферзём.
Сходятся пешки в смертельном бою,
шкуру спасая своему королю.
Грызутся фигуры, друг друга кроша.
Жизни флажок завис не спеша.

Литературный конкурс «Осень. Начало»

Стихи

Приняло участие 36 авторов, набрал всего 5 очков и разделил места с 30 по 34.

Прощальная

Печальной слезой по стеклу стучит златокудрая осень.
Мой взгляд тормозит на бегу и грустью ласкается очень.
Пусть вылетит тоску до конца и листья с ветвей обглодает,
сдувая снежинки с лица седую подругу встречает.

Проза

Участвовало всего шесть авторов, набрал 12 очков и занял 5 место от третьего отделяло всего 2 очка.

Осень

Оголённые деревья качают обглоданными ветками. Одинокие жёлтые листочки трепещут на ветру, усиленно цепляясь за родной, пусть опустевший, но всё же, дом.

Озорной ветер, налетая с разных сторон, как заправский балетмейстер, умело заставляет выполнять замысловатые па этих, словно забытых и никому не нужных, оторванных лоскутков былой пышной славы раскидистого дерева. Пробегая по земле у подножия старого обшарпанного ствола шаловливый проказник поднимает край свалившегося одеяла из уже опавших листьев и, как бы приглашает оставшиеся и сиротливо трепещущие на ветках присоединиться к отжившим своё собратьям.

Яркое желто-оранжевое окружение радует глаз и в то же время горчит грустью сердце об ушедшем лете. Талантливый художник, не скупясь на яркие краски, разрисовал всё вокруг сочными мазками. В этом карнавальном разноцветье чувствуешь себя старичком, попавшим

на детский праздник, с одной стороны весело, а с другой понимаешь, что что-то ушло безвозвратно, утонув в золотом многоводье.

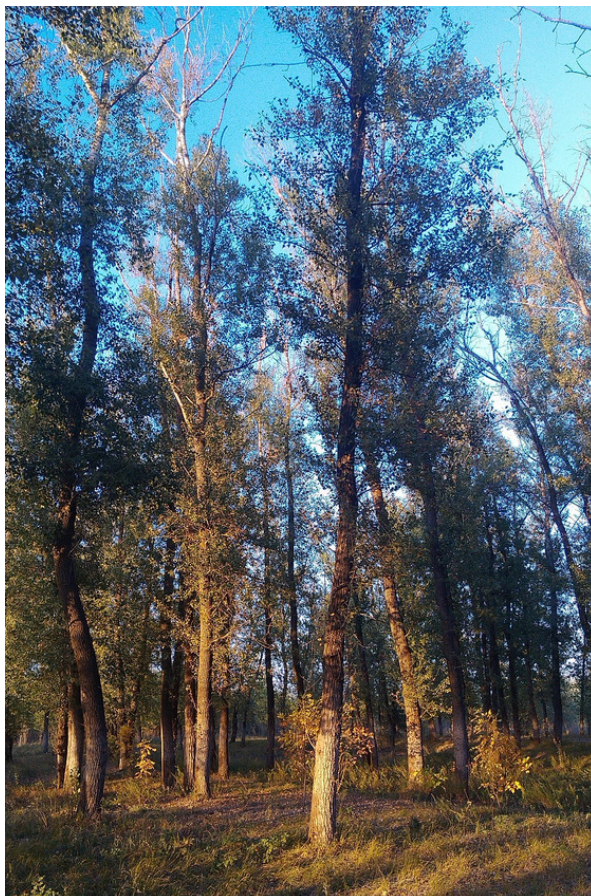
Радость и грусть – эта смесь привлекает многих к чарующей осени. О ней пишут стихи поэты, художники обожествляют её в многообразии пестрых полотен, учёные капаются в тайнах её механизмов, миллионы просто любят её красотой или борются с печальной хандрой, навеянной огнено-рыжей красавицей.

Кто придумал осень? Кто её конструктор и вдохновитель? Неужели то, что волнует сердца и умы, появилось случайно? Кто этот Великий Гений заставляющий замирать от восхищения и плакать от безысходности под монотонный стук холодного дождя великое множество людей, очарованных осенью?

Человек может верить в Бога, а может не верить, он может любить осень, а может ненавидеть её. Кто-то ждёт осень с замиранием сердца, как первого свидания, а кто-то, как стук палача в камеру смертников. Но самое удивительное, что, кто-то понятия не имеет, что такое осень и живёт, не замечая, как озорной ветер всё треплет и треплет пёстрое покрывало под ногами и не опавшие лоскутки на обглоданных ветках оголённых деревьев.

2014 год

Большой прозаический марафон на Литкульте

Стартовало 34 автора, надо было написать большое произведение из пяти рассказов или глав на заданные темы. До конца выстояли только 7 участников. В итоге я занял 5 место.

Солнцеворот

(фантастика и приключения)

Рынок душ

*«Но знай то, что в последние дни наступят необычайно трудные времена. Люди будут самолюбивыми, любящими деньги, самонадеянными, высокомерными, богохульниками, непослушными родителям, неблагодарными, неверными, лишёнными родственных чувств, несговорчивыми, клеветниками, не имеющими самообладания, ожесточёнными, не любящими добродетельность, предателями, своенравными, гордецами, любящими удовольствия, но не любящими Бога, имеющими вид преданности Богу, но отвергающими её силу. От таких удаляйся»
(2Тимофею 3:1—5ПНМ)*

Шторм

Ветер швырял сухогруз словно щепку. Хотя, я хожу в море уже не первый год, но к болтанке так и не привык. Всё нутро у меня просилось наружу и, когда боцман Сидорчук, похлопав по плечу, сказал, что пора на вахту, я даже обрадовался: наконец-то, хоть чем-то займусь, и смогу отвлечься.

Когда я открыл дверь на палубу, туча солёных брызг окатила меня с головы до ног освежающим душем, яростный ветер продирался под одежду. Шум был такой, будто совсем рядом на разогреве стоит реактивный самолёт, готовый вот-вот взлететь. Я ухватился за поручень и медленно побрёл к мостику. Стихия бушевала, стараясь разметать наш корабль в пух и прах.

Вот и трап, ведущий в рубку капитана. Вдруг сильнейшая волна ударила в правый борт, тут же накатила следующая и, скользнув по тросам, всей своей мощью врезалась в мою грудь.

Пираты

Я проснулся от невероятной тишины и сильной головной боли. Шторм кончился, в иллюминатор светило солнце, я лежал в больничном кубрике, рядом сидела Зина. Это она настояла на походе к берегам Африки, дело в том, что мы уже три года вместе. У неё подрастал сын, которого воспитывала мать Зины, а она обеспечивала их, зарабатывая на жизнь судовым врачом.

– Что случилось? Почему я здесь?

– Тебя вчера ночью волной сбило, видимо сотрясение мозга, – сказала она, наклонилась и нежно поцеловала меня в губы.

– А, что шторм кончился?

– Да, представляешь! В один миг, будто и не было ничего.

– Так ведь мы сейчас там, где пираты орудуют, – сморщился я от резкой боли. – Кеп, ведь, на шторм и рассчитывал, что под шумок эти воды проскочим.

– Не волнуйся! Тебе нужен покой, всё будет хорошо!

– Говорил тебе, что тройную таксу просто так не платят, не надо было соглашаться на эту авантюру.

– Успокойся, милый, всё будет хорошо!

– Хорошо? Ты хоть знаешь, что за ящики у нас в трюме? Это оружие, за нас даже выкуп требовать не будут! Ты понимаешь, что с нами будет?

Наш разговор прервал протяжный сигнальный гудок, который не предвещал ничего хорошего. Выглянув в иллюминатор, я увидел большой катер с вооружёнными людьми на борту, который быстро приближался к нам. Я вскочил с постели и стал одеваться, не обращая внимания на головокружение и боль. Зина испуганно смотрела на меня и причитала:

– Ой, что же теперь будет? Это пираты, Серёж, они нас убьют?

– Не скули! – выругался я и, схватив её за руку, потащил на корму.

Мы быстро добрались до заветной шхеры – это маленькая каптёрка для хранения ненужных вещей. Войдя внутрь, я осмотрелся и, раскидав пустые ящики, сказал Зине:

– Быстро сюда!

Мы сели в угол, натянули на себя, валявшийся под ногами брезент. Потом я вытащил руку из-под брезента и дёрнул кучу из ящиков и другого хлама, чтобы она рассыпалась. Несколько ящиков свалились прямо на нас – этого я и добивался.

– Теперь не дыши! – сказал я и мы затихли, прижавшись друг к другу.

Снаружи раздались выстрелы, крики, топот бегающих людей, падающих предметов. Через полчаса всё затихло. Ещё через полчаса возле нашего укрытия раздались шаги, послышалась иностранная речь. Дверь в каптёрку открылась, раздалась автоматная очередь. Моё левое плечо обожгла резкая боль, словно огромный шершень вцепился в него, тут же я почувствовал, что по руке течёт кровь. Сцепив зубы, я прижал к себе дрожащую Зину. Стрелявший, что-то сказал оставшемуся снаружи, потом вышел, захлопнув дверь.

Время потянулось черепашьям ходом. Зина оторвала от своей юбки клочок ткани и перевязала рану на плече, пуля только чиркнула его. В продырявленный брезент пробирался солнечный свет. Мы сидели молча, стараясь не делать лишних движений. Снаружи иногда доносились крики, хохот, выстрелы. Медленно свет стал меркнуть.

«Это самый длинный день в моей жизни, – думал я, прижав спящую Зину. – А ведь сегодня 21 июня – солнцеворот. Моя бабка говорила, что в этот день всё меняется: плохое на хорошее, а хорошее на плохое. Неужели, придётся в этом убедиться лично? Надо дождаться ночи и попробовать сбежать».

Побег

Очнулся от резкой боли в раненом плече.

– Тебя не добудишься, – тихо шептала Зина, убирая руку с больного плеча. – Ночь уже, скоро утро, надо что-то делать!

– Хорошо, давай потихоньку выбираться отсюда.

Мы осторожно стащили с себя брезент и стали на ощупь пробираться к выходу. Я открыл дверь и огляделся, вокруг было тихо, ночь окутала всё вокруг жаркой, душной чернотой, на палубе горели дежурные огни, возле рубки я увидел силуэт автоматчика, курившего сигарету.

Мы тихо прокрались на правый борт, где хранились спасательные шлюпки, одна из них висела, готовая к спуску, видимо кто-то хотел сбежать при захвате, но не успел. Я усадил в неё Зину и стал медленно крутить лебёдку, опуская шлюпку на воду. Лебёдка предательски поскрипывала, заставляя сердце от страха выпрыгивать и сжиматься одновременно.

Совсем рядом, стукнув о стену, распахнулась дверь. Я присел, прижавшись к борту, и затаил дыхание. На палубу вышел огромный мужчина, видимо пьяный, его качало, как при шторме, хотя был полный штиль. Он подошёл к борту и стал мочиться прямо на палубу. Сделав дело, он облегчённо крикнул и, расшатываясь из стороны в сторону, пошёл обратно внутрь корабля, оставив дверь открытой.

Когда его шаги затихли, я продолжил спускать шлюпку. Наконец, почувствовал, что цепи обвисли, значит, шлюпка на воде. Забравшись на борт, взялся за цепи и повис над водой. Страшная боль пронзила плечо, отдаваясь эхом в голове, но я понимал, что, если не спущусь в шлюпку – мне не жить. Через десять минут, показавшихся вечностью, я сидел, обессиленный, возле Зины.

– Надо скорее уплывать, скоро рассвет! – шептала она.

– Хорошо, сейчас, ещё минутку отдышусь.

Погоня

– Серёж! Серёж! – трясла меня Зина, видимо я потерял сознание.

Я встал и стал искать вёсла. Зина искала в другой части лодки. Вдруг она громко закричала, я бросился в её сторону. Зина сидела, зажав себе рот руками, возле труп нашего старпома, его огромную фигуру нельзя было спутать ни с кем, даже в темноте ночи.

– Тише! Ты всех на ноги поднимешь!

На палубе раздались крики, я, наконец-то, нашёл вёсла, вставил их в уключины и стал, преодолевая боль в плече, усиленно грести.

На капитанском мостике зажгли прожектор, стали прочёсывать гладь моря, вскоре предательский луч нашёл нас и прилип к шлюпке, как клещ – кровопийца. Я понял, что это конец.

– Гребите на те огни! Я постараюсь их задержать, – сказал я Зине, крепко её поцеловал и прыгнул за борт.

Быстро добравшись до корабля, проплыл на противоположную сторону, как и ожидал, там был катер, который я видел днём в иллюминатор. На него спускались несколько человек с автоматами. Верёвочный трап свисал до самой воды, поэтому я смог незаметно забраться вслед за бандитами, которые были поглощены погоней. По моим подсчётам на катере их было

пятеро. Я затаился на корме и лихорадочно думал, что делать. Когда катер стал выруливать из-за сухозгруза, план созрел. Найдя люк в машинное отделение, пробрался туда и стал дёргать проводки, кабели, которые попадались под руку, вот нащупал топливный шланг, поднатужился и выдернул его, запахло бензином, двигатель несколько раз кашлянул, словно захлебнулся и заглох.

На носу катера раздались автоматные очереди, люк в машинное отделение открылся, я сразу же кинулся на заглянувшего, рванул его за автомат и несколько раз ударил головой о двигатель. Тело пирата обвисло, я схватил автомат и выбрался на палубу, сразу же выстрелив в стоящих на носу. Перестрелка была недолгой, у меня быстро кончились патроны, поэтому последнее, что я увидел, когда меня схватили и стали избивать, исчезнувшая в предраассветной мгле лодка с Зиной, силуэт которой я отчётливо видел, пока не потерял сознание.

Рынок

Пришёл в себя от невыносимой боли, всё тело ломило, резало, разрывало и жгло. Открыв затёкшие от кровоподтёков глаза, я увидел бамбуковую решётку перед собой, мои руки были скованы наручниками и прицеплены к такой же решётке над моей головой, рядом слева и справа стояли совершенно голые мужчины с поднятыми руками, скованными наручниками. Это были боцман Сидорчук и наш кок Мекулов Вова. Увидев их, я понял, что и на мне нет одежды.

Состояние было ужасным, хотелось проснуться и стряхнуть этот кошмар, но ничего не получалось. Я опёрся на израненные ноги и попытался встать, тело меня не слушалось, от боли темнело в глазах, после упорных неудачных попыток, наконец-то, я встал и посмотрел за решётку. Напротив нас стояли такие же клетки с голыми людьми в наручниках, среди них были женщины и мужчины разных национальностей.

Клетки тянулись метров на сто пятьдесят влево и вправо. С правой стороны они поворачивали в нашу сторону и соединялись, видимо с таким же рядом клеток с нашей стороны. Слева от нас в начале рядов клеток стоял огромный дом из стекла и бетона с просторными балконами и плоской крышей над пятым этажом.

– Шо очухався? – спросил меня Сидорчук.

– Что это? Где мы? – простонал я.

– У пиратив. Цэ у них база, як я поняв, бос их тут живэ.

– А Зина здесь?

– Ни. Её немае, выдно, убылы нашу Зиночку. Наших тут мало, вот Вован, ты, да я, еще десь кэп наш був, но его дуже сыльно лупцювалы ци падонки, так що може уже и помер. Наших усих перебылы, когда брали нас. Здаеця мни, шо воны знали шо мы везэм. Здалы нас, хлопцы, чые мое сердце.

– А зачем нас здесь подвесили? – всхлипнул Вова справа от меня.

– Ты шо, еще не понял? Продаты хотят, це, ж, рынок.

– Вы шутите, Степан Фёдорович? – выпучив глаза, прошептал кок побелевшими от страха губами.

– Була нужда шуткуваты зараз, – буркнул Сидорчук, сплюнув кровь с разбитой губы. – Ты шо не бачишь, шо усих повисылы, як окороки на ярморци. Зараз рынок видкрыют и побачишь на шо ты тут, и скильки за тебэ дадуть.

Боцман был прав, через полчаса со стороны железобетонного дома потянулись пёстрые толпы разномастных людей. Они подходили к клеткам долго смотрели, что-то обсуждая. Арабы и чернокожие толпились возле клеток с женщинами, другие разглядывали мужчин. Возле клетки с мальчиками собралась группа старичков гламурного вида, они долго спорили, кричали, размахивая чековыми книжками, пока сделка, видимо, не состоялась.

Несколько человек подошло и к нашей клетке. Они что-то расспрашивали по-английски чернокожего торговца, я понял, что речь шла о нашем здоровье и возможности использовать

наши органы для трансплантации. Продавец называл цены и заверял, что товар высшей пробы. На наше счастье в цене они не сошлись, а больше мы никому не приглянулись.

К обеду стало невыносимо жарко, рынок опустел, нас отцепили от верхних жердей и принесли какое-то пойло для еды. Я и Вова есть не стали, а Сидорчук съел своё и наше, лёг в углу клетки и уснул. После обеда полил тропический ливень, немного освежив воздух. Положение было ужасным.

План

Ночь быстро окутала всё вокруг липкой темнотой. Со всех сторон слышались стоны заключённых, кто-то вскрикивал, где-то слышался детский плач. Я не мог уснуть, поэтому сел в угол клетки, прижавшись спиной к решётке.

– Шо не спытсья? – послышался голос, проснувшегося Сидорчука.

– Нет.

– А ты, Вовчик, також не спышь?

– Какой тут сон, кругом какие-то пауки ползают, – послышался испуганный голос кока.

– Скажи: «Дякую!», шо ни змии.

– А, что тут змеи есть?

– Ты шо, хлопец, з дубу рухнул? Ты же в Африци, тут цего добра, як говна на базу.

Вова быстро переполз поближе ко мне. Сидорчук тоже загремел кандалами, подползая к нам поближе.

– Слушайте, хлопцы, пока нас не покрошили на запчасты, надо дилаты звитселя ноги, – зашептал он, когда подполз к нам вплотную.

– Как?

– Я тут померкувал, и рахую шо, колы воны нас перечепляють, ежли гуртом навалытысь, то може шось выйдэ.

– Я готов. Всё равно помирать, так хоть ещё одного подонка на тот свет отправлю.

– Вы что! – испуганно заскулил кок. – Они нас всех перестреляють.

– Или на органы порежут, что лучше? – сердито буркнул я.

Вдруг в кустах за клеткой раздался шорох. Мы испуганно посмотрели в ту сторону: в кустах мелькнула голова, ползущего человека. Через несколько секунд совсем рядом раздался голос Зины:

– Серёж!

– Да, я здесь, – моё сердце забилося с утроенной силой. – Ты жива? Зачем ты здесь? Тебя же схватят, беги отсюда скорее!

– Я за тобой. Слушайте! – она подползла вплотную к клетке и взяла мои руки. – Завтра вас отдадут тому доктору, который расспрашивал о вас на торгах, я наблюдала из кустов, а потом встретила его с тем черномазым, что торговался с ним. Они возле моего укрытия ещё говорили с полчаса, потом черномазый дал добро, так что, завтра вас увезут в клинику этого врача и порежут на органы. Я могу достать автомат, у них тут кабак недалеко, сейчас многие спят прямо возле него, пьяные вдрызг.

– Отлично, Зинуль, только будь осторожна! Тогда давай завтра жди нас у выхода.

– Нет. Я осмотрелась здесь. От этой фазенды в город только одна дорога, и повезут вас по ней, она сильно виляет, я буду ждать за третьим поворотом, туда напрямки пять минут ходьбы, а ехать минут десять, так что я посмотрю, куда вас посадят и туда, а вы считайте повороты. Постарайтесь остановить их на третьем, если не получится, я буду палить по водителю, вы, уж, тогда шевелитесь.

– Отлично! Моя ты спасительница, – я просунул голову сквозь решётку и крепко поцеловал её в губы.

Короткая ночь начала таять в тумане разгорающегося утра. Зина скрылась в зарослях.

– Е Бог на свити. Ну, шо? Надо поспаты, завтра будэ жарко, – сказал Сидорчук и полез в свой угол.

– Вы что серьёзно думаете бежать? – пролепетал Вова.

– А ты, что решил остаться. Ты у нас часом не мазохист? – усмехнувшись, сказал я, укладываясь на земляной пол клетки.

– Но ведь это самоубийство! – заскулил кок.

Предательство

Нас разбудили громкие окрики охранников. Они вошли в клетку и стали нас выталкивать прикладами автоматов. Солнце уже выползло из-за верхушек деревьев и припекало не по-детски. Вытолкав из клетки, нас повели к выходу, тыкая стволами калашей в спину. У входа нас ждали вчерашние покупатели и чернокожий торговец.

Когда мы подошли вплотную, Мекулов вдруг бросился к торговцу и стал захлёбываясь причитать на ломанном английском:

– Они хотят бежать, их ждёт женщина с автоматом! Я не хочу умирать! Спасите!

– Кто хочет бежать? – оттолкнув кока, спросил бандит.

– Они, – показав пальцем в нашу сторону, Вован стал повторять отрепетированный текст, видимо, всю ночь готовил его. – Они хотят бежать, их ждёт женщина с автоматом! Я не хочу умирать! Спасите!

Сидорчук тут же сообразил, что дело – труба и со всей силы огрел кандалами своего конвоира, я бросился на своего, но силы были не равны, да, и наручники мешали двигаться. Через пару минут мы лежали на земле с заломанными за спину руками. Кок указал пальцем, где прячется Зина, три вооружённых пирата побежали в ту сторону. Нас стали избивать, вскоре я потерял сознание.

Подвал

Тусклый свет в решётчатом окне – первое, что я увидел, когда пришёл в себя. Я лежал на каменном полу в каком-то подвале, руки были в наручниках прицеплены к толстой трубе. Рядом, метрах в двух от меня у стены сидел Сидорчук, тоже прикованный к трубе. У противоположной стены стояла мебель неясного предназначения, из-за слабого света её трудно было рассмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.